

18+

ВЗАИМНОСТЬ

LENA SWANN

Lena Swann

Взаимность

«Издательские решения»

Swann L.

Взаимность / L. Swann — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-981122-6

Оппозиционный сайт «Будущее время» заблокирован генпрокуратурой. Яна, главный редактор сайта, подозревает, что ее любовник Никита подослан к ней спецслужбами. Яна бросается на исповедь к знакомому священнику. Но в церкви, руководство которой коррумпировано преступной властью, Яну ждет еще более трагический выбор.

ISBN 978-5-44-981122-6

© Swann L.
© Издательские решения

Содержание

Взаимость	6
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Взаимость

Lena Swann

© Lena Swann, 2020

ISBN 978-5-4498-1122-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Взаимность

Итак, «Будущее время» было разгромлено. Яна не выходила из машины: резко накренив, чуть не выломав, зеркальце заднего вида и бессознательно расчесывая ногтем и рассматривая в отражении крошечную коросту уже засохшей лихорадки, справа над верхней губой (всегда почему-то выскакивала, как периодическая родинка, от любых переживаний), всё как будто бы крутила в памяти произошедшее пять минут назад, – всё еще не веря, что, вот, всё самое страшное, всё то, что висело над сайтом уже все последние месяцы, наконец, рухнуло. И в общем, еще более понятны становились подлые крысиные предложеница Никиты о перепродаже... Знала, что опаздывает, но пыталась выдохнуть гнев и отдышаться, – прежде чем войти в церковь.

Лазоревый луковичный куполок церкви был инеем превращен в сверкающую платиновую скуфию на верхушке, а солнце еще и ярко золотило крест и ближнюю куполка дольку. Небо, несмотря на мороз, было истошного, лживо-розового оттенка, а справа, – за насмерть заиндедевшими тонкими лиловатыми иероглифами (в разные стороны живо и отчаянно жестикулировавших перед смертью, за секунду до зимы) кустов и деревьев, – под пригорком, тянулся гигантский хлопчатый цепеллин дыма – из тоненькой трубы сахарной ватой утепленной избы. Яна, приехав сюда, спозаранку, за семьдесят километров от Москвы, из-за невероятных снежных заносов и пробок на выезде из Москвы действительно уже сильно опаздывала и, кое-как припарковав на пригорке машину (на крошечном, на удивление прекрасно расчищенном сегодня и вытоптанном пятачке прямо рядом со входом в церковь, на излёте бугристой асфальтовой дорожки, между сугробов и до боли в глазах искрящих бриллиантов снежного наста), быстро повернула ключ зажигания, – и прихлопнула таким образом заодно и зазудевший уже, ненавистный возбужденно-жизнерадостный, словно в голливудских экшэнах, проигрыш выпуска новостей «Эха Москвы». (Ненавистный – потому что новости в этих выпусках все последние годы были одна гаже другой.)

«В Москве проходят обыски у оппозиционных активистов...» (идиотически-жизнерадостное бурлящее энтузиазмом тирлим-бом-бом музыкальной заставки)

«Высокопоставленный чиновник министерства обороны, по неофициальным данным, отвечавший за координацию наемников из так называемых частных армий в Сирии, найден у себя в квартире мертвым...» (энергичная ритмовка на заднем плане для любителей голливуда, а потом опять бесстыдное тирлим-бом-бом)

«Сегодня генпрокуратура без объявления войны заблокировала для российских пользователей доступ к популярному оппозиционному молодежному сайту «Будущее вре...» Стоп. Это еще что такое?

Яна, задним вниманием ухватив обмолвку, резко крутанула ключ зажигания на пол-оборота в обратную сторону, вновь врубив электричество и поймав радио на оборванной ноте:

«...Мария Лазарева, генеральный директор „Будущего времени“ (которую вы, сволочи-коллеги расторопные, к слову скажем, явно застали звонком своим в постели, разбудили, – потому что Маша в прямом эфире если и не позёвывала, но явно звучала как солдат в казарме, которого облили ледяной водой), заявила „Эху Москвы“, что, несмотря на блокировку, популярный сайт продолжит работу: Лазарева посоветовала поклонникам сайта внимательно прочитать рекомендации по обходу блокировки сайта, которые она в течение ближайших пятнадцати минут выложит в фэйсбуке и твиттере „Будущего времени“...» (дыц-дыц ритмовки на заднем плане)

«...Как сообщили корреспонденту „Эха Москвы“ в международной организации „Репортеры без границ“, их сотрудники, в знак протеста против очередной противоправной внесудебной блокировки средства массовой информации в России, уже работают над запуском

неблокируемого зеркала для сайта „Будущего времени“ на базе Google Cloud Platform. Зарубежное неблокируемое зеркало „Будущего времени“, вероятнее всего, будет доступно уже завтра.» (улю-люм – видать, чтобы не заснули овощи)

«...В генпрокуратуре корреспондентам „Эха Москвы“ заявили, что в случае продолжения деятельности заблокированного сайта, все сотрудники „Будущего времени“ могут быть привлечены к уголовной ответственности как сотрудники нежелательной организации или как иностранные агенты.»

– Вот скоты! – тихо выдохнула Яна и быстро (чтобы не слышать очередного чудовищного, в зубах заевшего музыкального проигрыша-живчика) вырубилась, до отказа, вместе со звуком радио, ключ зажигания, мгновенно взглянув на мобильный – ну конечно! уже семнадцать пропущенных звонков! счастье, что выставлен был режим «не беспокоить»!

Кликнув мэссэдж в Whatsapp Маше: «Я всё знаю. Буду после полудня. Делаем всё, как договорились. Звучала ужасно!;) Доспи чуть-чуть еще! :)», – и чуть переведя дыхание, уйкнув, чуть не содрав, от нервов, над губой коросту лихорадки, – Яна быстро на дурацкую эту лихорадку взглянула в выпуклое зеркальце заднего вида еще раз (нет, нет, ничего, сегодня уже гораздо лучше) и, выходя из машины, как-то уже чуть успокоенно сказала себе: Маша справится! Не дам скотам испоганить еще и мне утро...

Весь аварийный план действий, конечно же, был готов заранее. И «Reporters Sans Frontières», молодцы, не проспали, с нашим планом, – завтра все будут гуглить...

Яна быстро перекрестилась и вошла в беленькую, маленькую, словно кулич, деревенскую церковку.

В пестрой, яркой, радостной от икон грановитой вселенной внутри церкви были жарко натоплены батареи. Два широких апельсиновых раскосых пыльных луча из двух правых окон (из расписного крошечного клироса и из правой криволинейной ниши с мозаичными нервюрами) выделяли центр церкви как особую лучистую горницу: Яна улыбнулась и чуть заметно кивнула головой в центре ближнего луча стоявшему, как раз в этот момент обернувшемуся и зорко поймавшему ее взгляд белобородому круглолицему батюшке Игнатию, освящавшему, вместе со вторым, молодым, кудрявым священником елей для соборования – словно художественную палитру готовили (баночки, кисточки!).

Яна свалила с себя жаркую зимнюю куртку на банкетку в самом конце церкви, – и невольно еще раз уцепилась взглядом за роспись на задней стенке: чуть не угробленная камнями за блуд грешница, страшненькая, простоволосая, в белом изодранном платье, с окровавленной щекой, упавшая на колени и в отчаянии уцепившаяся за голубой хитон Христа в поисках защиты – зримо прячущаяся за Христовой фигурой от расправы уже занесших для броска в поднятых руках камни фарисеев, священников и прочей еврейской гопоты, – яркая, громадная, в человеческий рост фреска, – под которой вчера вечером сама она, по безыскусной рифме судьбы, в слезах, упав на колени, каялась и исповедовалась два часа подряд батюшке Игнатию, – с таким же внутренним чувством: что спасается от смерти.

Уже совсем темно было, когда накануне, едва разыскав дорогу, едва вспомнив хуторок, за которым надо было резко свернуть на проселочную дорогу, – еле заехав потом по наледи в горку, – Яна вот так же припарковалась у церкви, всунув мордочку миниатюрного красенького дамского Крайсlera между двумя матёрыми сугробами – на занесенной и оледенелой, еле видной, нерасчищенной вчера еще, узкой асфальтовой дорожке. Дышать после вчерашнего краткого, схематичного, разговора в чате фэйсбука с Никитой – разговора чудовищного, как и вся ее, год почти продолжавшаяся, с ним связь, – было уже совсем невозможно, – как, собственно, ни дышать, ни плакать, ни жить невозможно было уже все последние пару месяцев. «Я даже книги читать не могу уже месяц!» – как крайнее выражение отчаяния доходчиво, всхлипывая и размазывая сопли кулаками, объясняла она позже, вечером, батюшке Игнатию. Было точно так же, как бывает с аппендицитом: ныло, побаливало, тошнило, но из брезгливо-

сти и занятости в больницу тащиться не хотелось, и как-то была надежда, что само как-то куда-то... А потом вдруг в одну секунду – раз! – и чувствуешь, что загноилось уже настолько, что еще миг без операции, без скорой помощи – и помрешь.

Он называл ее котиком и ласточкой. Пошлее ничего придумать было невозможно. Ее выворачивало наизнанку от неказистых, неразборчивых, как-то враскоряку бросаемых его не тонких слов – и от его духовной скользкости, духовной слепоты, от духовных его поскальзываний на ровных, казалось бы (а уж тем более – на горных), местах. Невысокий, блеклый, с невымытыми волосами, сутуловатый, с выпирающими восточными скулами, вечно как будто зябко пригибающийся, вытягивающий пальцами вниз манжеты дорогих рубашек и пиджаков, как будто рукам морозно, вечно глядящий в смартфон или компьютер, в задумчивости грызущий заусенцы невымытых ногтей на зеленых тонких коротких пальчиках... Он прибился к ней в буквальном смысле как-то из неоткуда: прогулка вдвоем по ночной Москве после тусовки в книжном клубе с ее друзьями-диссидентами, – Яна даже припомнить теперь не могла, был ли он там с ними за общим длинным пьяным грубым деревянным струганным столиком, и если да, то кто его пригласил? – или он мотался за каким-то другим столиком, с какой-то другой компанией? – да и был ли он там в том кафе в тот вечер вообще?! – или прибился к ней как-то как бы невзначай уже на выходе? Позднее, впрочем, Маша раскололась, что за месяц до этого Никита пытался (где-то на тусовке) ухлестывать и за ней, – и теперь уже, из сегодняшнего дня, казалось совсем неслучайным, что вся эта внезапная Никитина любвеобильность совпала с тогдашним их с Машей запуском сайта. Как-то совмещал приятное с полезным? Подсуетившись, ища, как внедриться, как ввинтиться куда-то поближе к их инсайдерской информации?

«Умный, быстрый паренек. Давно такого смышленного парнишки не встречала – в мозгу у него словно счетчик электронный работает. Единственное, что меня остановило от того, чтоб закрутить с ним амуры, – это то, что он жалкий уродец», – небрежно-томно пробросила тогда разбитная эстетка Маша (резких абрисов коротко стриженная красавица в приплюснутых в узкую линеечку очках с тончайшей оправой), ничего о начавшемся уже мучительном романе Яны не зная, – и Яне как-то Никиту моментально из-за этих грубых слов стало еще мучительней жалче, и увязла она в романе с ним после этого уже и вовсе намертво – как-то из-за этой своей к нему жалости и боязни его «ранить».

Быстрый. Действительно, быстрый. Даже чересчур быстрый – до неуловимости. С реакциями до того молниеносными и до того скользкими – что проскальзывал мозгом и душой как-то мимо всего главного, не заметив суть. И как-то чуть смущался из-за этих своих суперспринтерских пустопорожних скоростей – когда видел, что Яна молча изумлена какими-то душераздирающими лакунами в духовной его грамотности, запредельной узостью духовного его кругозора. Всё как-то считалось у него в мозгу по номиналу, количеством, типом, материалом, – избитыми, но шустро применяемыми и неожиданно тасуемыми алгоритмами.

«Да-да, я тоже часто об этом думал!» – быстро выворачивался Никита, когда Яна проносила парадоксальную, чуждую ему духовно мысль. Или, когда Яна называла вдруг в разговоре с ним какую-то дорогую ей книгу, Никита моментально, со слюнькой на губах, вспыхивая (чуть копируя при этом – быстро же научился! – Янины, то экзальтированные, а то вдумчивые интонации), беззастенчиво врал: «Знаешь! Удивительно! Я тоже буквально вчера вспоминал об этой книге!» И потом, когда Яна заметила, что Никита искусно выхватывает из ее речи интимные какие-то, внутреннюю жизнь ее отражающие, ее личные, ручные словечки и любимые обороты, – а после как бы невзначай, легко, вставляет словечки эти в разговоры с ней, используя их как свои – чтобы вызвать в ней полную иллюзию взаимопонимания, – стало и вовсе как-то страшненько. Словно рыба-клоун, отражающая чужие мысли зеркальными чешуйками и вертящаяся, вводя в заблуждение этим слепящим тебя отражением твоих же мыслей. Нелюдь, живущий и говорящий по техникам, «разрабатывающий» людей,

ему доверяющихся. Бездушная пиявка, кровопийствующая на изящно-изломанной пародии тех, к кому присасывается.

И в общем-то неудивительно было после этого, почему, несмотря на вдруг нечаянно в разговорах вскрывавшиеся зияющие пропасти невежественности (в первую же ночь, во время прогулки по городу, когда Яна обмолвилась о Прусте, – Никита, с фирменной своей злоющей параноидальной шустростью, желая блеснуть эрудицией, выпалил: «А! Самоубийца! Не знаю, что вы все в нем нашли!» – так нагло, что аж не верилось, что она не ослышалась, или что он не обладает какой-то новейшей недавно раскрытой биографами информацией! И Яна, изумившаяся, аж до минутной потери дара речи, – из-за неловкости за него не нашлась даже, как потактичнее указать ему на его фантастическую кекс-клячку), Никита слыл в тусовке человеком крайне начитанным и тонко разбирающимся в искусстве, литературе и во всех прочих вот так же легко и нагло затрагиваемых им в разговорах с интеллектуалами красиво звучащих вещичках. Которыми можно позвенеть.

Всё это, впрочем, доходить до сознания стало уже гораздо позже. А в начале – в начале была зашкаливающая какая-то к нему жалость, – Яне, буйной, открытой, веселой, цыганистой (полностью, словом, ему противоположной), обожаемой друзьями и искренне и пылко друзей любящей, – всегда отбою не знающей от поклонников – из-за красоты и яркости ее, – было как-то мучительно неловко за Никиту и мучительно страшно, что он вдруг подумает, что она его бросит из-за того, что дурён собой, – или – ещё хуже! – что он подумает, что она ему изменит с кем-то из тех юных оппозиционных сумасбродных красавцев, для которых она была кумиром, и которые вокруг нее вились, – и из-за этого все ее эти постоянные подстраховки, как бы Никита ничего не подумал: лишний раз признаться ему в любви, лишний раз сказать, как он дорог ей... Нянчить его своей полной открытостью для него. Всегда быть в досягаемости, когда он звонит... Всегда рассказывать ему все подробности про встречи свои, про всех людей с которыми говорила, чтобы ничего не подумал дурного, чтобы не заревновал... каждый день, когда он выстукивал ее в фэйсбуке вечерами в чат и допытывал, как прошел день...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.